

Странствовать по морю необходимо;
жить не так уж необходимо.
Гней Помпей Великий,
древнеримский политик и полководец

- Привет, Васёк! Точнее, доброе утро!
- Привет, Лис, у нас еще ночь. Поэтому: добрый вечер!
- Ну да, извини, как я мог забыть. 😊
- Ха-ха-ха, Лис, только вот не притворяйся — ничего ты не забыл!
- Васёк, тебя не проведешь. Ладно, объявляют мой рейс.
- Вау, прямо без опоздания, судя по всему? Не как когда ты летел в Куала-Лумпур и на двадцать восемь часов застрял в Сингапуре?
- Васёк, то был рейс с пересадкой, а этот прямой. Да и компания другая. Да, судя по всему, вылетим по расписанию. Жаль, что интернета на борту нет — технический прогресс до «Куала-Лумпур-Эйр», судя по всему, еще не докатился. Но мне, думаю, пора. Вот кофе только допью и встану в очередь.
- Лис, не ври! Ты всегда ненавидел очереди на посадку. Дождешься, пока все не усядутся и останется пара минут до завершения — вот тогда ты и подвалишь.
- Васёк, я тебе уже говорил, что тебя не проведи? Дай-ка посмотрю нашу переписку. Ну да, говорил!
- Лис, говорил — сто тридцать миллиардов раз! Но я рада услышать это снова и снова. Потому что от тебя, Лис.

– 😊 😊 😊

– Лис, не перебарщивай. Извини, написала с «о» посередине. Не буду лучше говорить, какой вариант мне предложила автоматическая правка!

– Не говори, Васёк, я сейчас сам посмотрю. Ого! Ну ладно, мне действительно пора...

– Ну, давай, Лис! Сколько там до Шанхая?

– Около четырех часов. Ну, или пять. Напишу, когда сядем.

– Ну, еще бы! Обязательно напишешь — а я тебе буду писать, пока ты на высоте десяти или скольких там километров.

– Только не перебарщивай. Полюбилось мне это словечко, Васёк, полюбилось! Конечно, напишешь — только не тогда, когда я, приземлившись в Сан-Паулу, обнаружил от тебя 199 сообщений!

– Но все-таки, Лис, признай, что приличия были соблюдены. Именно что 199, а не 200. Я специально считала!

– 😊 😊 😊

– А других эмоджи у тебя, что ли, не нашлось?

– 😊 😊 😊 😊 😊 😊 😊 😊 😊

– Ну, даром что ты их сам когда-то создавал, Лис!

– Васёк, объявили «последний звонок» на мой рейс.

– Что, так все и погрузились в ваш «Аэробус»?

– «Боинг», Васёк, «Боинг». Ну ладно, не все, но мне еще надо на пять минут отлучиться...

– Давай без подробностей, Лис! Ладно, желаю тебе... Как это говорят? Семь футов под килем? Упс, ты же не на океанском лайнере путешествуешь, а на авиарейсе Куала-Лумпур — Шанхай. Так что взлететь и сесть без малейших проблем, Лис! Ты ведь в четверг будешь в Москве?

– Если в Шанхае все пройдет без проблем, Васёк, то да. Если с проблемами, то придется задержаться.

Мой канадский адвокат что-то вдруг беспричинно мудрит. Он вообще-то надежный, но что-то в последнее время я не совсем ему доверяю. Кто знает, не скооперировался ли он с противоположной стороной. Поэтому и лечу сам, и надеюсь, что все пройдет гладко.

— *Пройдет, не зря же ты сам сподобился подключиться к переговорам. А они что, правда готовы выложить четверть миллиарда в свободно конвертируемой валюте за твой стартап, Лис?*

— *Васёк, не четверть, а всего лишь одну пятую. Жадные они, понимаешь, жадные. Думаю, сумею их убедить в фатальности выбранной ими стратегии. Ну ладно, мне теперь точно пора на посадку! До встречи в Москве, Васёк!*

— *Ах, Лис...*

— *Васёк, понимаю, нам всегда сложно завершить общение, но это всего на каких-то пять часов. И прошу, без глупостей — 199 сообщений мне не нужны!*

— *198 устроит? Ну ладно, Лис, не буду проказничать. И все же, скажи, ты почему себе аватарку поменял?*

— *Ну, Васёк, спросила-таки, потому что я все ждал: ну когда она этим поинтересуется? Но мне пора... Так что потерпи пять часов. Или даже больше.*

— *Если не хочешь, чтобы твой рейс в Шанхай отменили за пять минут до взлета из-за анонимного сообщения о заложенной бомбе, то говори сейчас.*

— *Честно — не хочу. Потому что, зная тебя, Васёк, понимаю, что не шутишь. Точнее, шутишь, но не совсем.*

— *Лис, так почему ты убрал с аватарки своего любимого лиса? Он ведь у тебя сколько там был?*

— *Долго. Лет семь, если не больше.*

— *А теперь какие-то обезьяны. Лис, ты что? Ты же Лис, а не Мартышка!*

— А это и не мартышки. А макаки, Васёк. Японские макаки.

— Ну, и не орангутанги же, Лис. В чем дело? Ты что, документальных фильмов на YouTube слишком много пересмотрел?

— Васёк, а ты присмотришь к аватарке получше. Дело не в макаках, а в другом.

— Смотрела, но ничего не понимаю. Кстати, это твой любимый Охара Касон, тот самый японский художник?

— Да, он самый. Оригинал, кстати, у меня с собой. Купил здесь, в одной галерее в Куала-Лумпур. Привезу в Москву — сумеешь рассмотреть в деталях. Ну все, МНЕ ТОЧНО ПОРА! Пока, Васёк!

— Темнишь ты, Лис, ой чего-то темнишь! Ладно, наверняка за этим скрывается какая-то философская концепция, ты же у нас любитель всего такого, Лис.

— А вот ты, Васёк, такого терпеть не можешь. Но, думаю, тебе такое понравится. Думаю, использую это в качестве эмблемы для своей следующей задумки.

— Ты сначала продай свою нынешнюю. Ладно, продашь, куда денешься. Но, Лис, черт побери, это же четверть миллиарда долларов!

— Пока всего одна пятая... Думаешь, продешевил?

— 😊 😊 😊

— Раз ты, Васёк, эмоджи рассылать стала, то дело труба. Ха-ха-ха! Отличный каламбур?

— Ладно, теперь я тебе говорю: «ТЕБЕ ПОРА, Лис!» Хорошего полета. Все бы дала, чтобы встретить тебя в Шанхае...

— Васёк, а ты, случаем, не сюрприз мне готовишь? Зная тебя, можно предположить, что ты только вид делаешь, что строчишь из Москвы, а сама торчишь в кафе в шанхайском аэропорту.

— ПУСТЬ ЭТО СТАНЕТ ДЛЯ ТЕБЯ СЮРПРИЗОМ,
Лис. Ладно, иди на посадку.

— Слушаю и повинуюсь. Что бы я без тебя только
делал. Пока, Васёк! Хороших снов!

— И тебе тоже, Лис! Хотя знаю, что будешь строчить
на своем ноутбуке. Плавного взлета в Куала-Лумпур
и мягкой посадки в Шанхае.

— 😊 😊 😊

— Пока, Лис!!!

Последнее сообщение Лис так и не прочитал:
Васса, прислонившись спиной к взбитой подушке,
все смотрела на две серые галочки, которые упорно
не желали становиться синими.

Может быть, все-таки прочтет?

Лиса она знала целую вечность — ну, или во всяком
случае, половину таковой. Лис, который был *только*
для нее Лис — и только для нее и ни для кого-то дру-
гого. Даже родители звали его Илей, коллеги — Елец,
а остальные восторгались его столь редким даже
сейчас, когда дети получали самые невероятные
прозвища, именем Елисей.

Елисей Петрович Лукин!

Да, для кого-то на родине уже Елисей *Петрович*,
а за границей, где язык общения, в особенности в ком-
пьютерной сфере, был английский, точнее, америка-
нский его вариант, а если еще точнее, сленг, принятый
в Кремниевой долине, *Элайджа*.

Наверное, их свели, бросив друг на друга так, что
они практически превратились в одно целое, именно
их имена — их столь *редкие* имена.

Потому что так же, как только он для нее был *Лис*,
так и она была только для него *Васёк*. Родители наре-
кли ее Вассой (ну, был отец тогда, когда она родилась,
помешан на фильме по пьесе Горького с Инной Чури-

ковой — ну назвали бы тогда *Инной!*), но обращались к ней «Ася» или «Асечка».

Отчего же *так* в свидетельство о рождении и не внесли?

Имя свое она ненавидела, а больше всего терпеть не могла, когда ее дразнили *Васей*.

А ведь дразнили. И она даже дралась из-за этого с мальчишками. И зачастую одерживала верх — уже тогда она умела постоять за себя.

После начальной школы уже никто не рисковал называть ее *Васей*. А вот Лис сразу начал звать ее *Васёк*.

...Помнится, когда она спросила, что это ему в голову пришло, он со смехом ответил:

— Ну, так ты ведь Трубачёва, не так ли? «Васёк Трубачёв и его товарищи» — что, никогда не слышала?

Нет, *не* слышала, но потом посмотрела в интернете — какой-то жутко патриотический роман сталинской эпохи о настоящих пионерах и их пионерских подвигах. Лис, в отличие от нее, был жутко начитанным — когда вот только время на это находил?

И ради хохмы она и разместила на своей аватарке во всех социальных сетях пионерский горн — тот, кому надо, поймет ассоциативный ряд.

Кажется, допер только Лис, а остальные или понимали вопросами, почему «эта труба», или вообще ничего по этому поводу не замечали.

Ну, если она была для него *Васёк*, то он стал для нее *Лисом* — а потом на его аватарке и возник этот черно-белый, сцепившийся в почти идеальный круг хвостатый красавец, нарисованный, как узнала от Лиса позднее *Васса*, в первой половине двадцатого века крайне популярным, а потом надежно забытым художником, специализировавшимся на животных и растениях, *Охара Косон*.

Лис никогда не задавался — он просто жил своей жизнью. Был вот такой, хотя многие считали его жутко заносчивым. Еще бы, тридцати нет, а уже и в Кремниевой долине поработать успел, и в «Гугле» вкальвал, потому один за другим стартапы основал, два из которых разорились, а третий сработал (хотя прибыли почти и не принес, но зато помог обрести доступ в нужные сферы).

Все считали их любовниками и были уверены, что они пара. А они не только не спали вместе, они даже поцеловались всего один раз.

И никто не понимал, что их объединяет большее — большее, чем вожделение. Большее даже, чем любовь.

Одна душа на двоих.

Лис, конечно же, подвел какую-то жутко умную (а бывают ли, собственно, *иные?*) философскую концепцию о двух половинках, некогда являвшихся одной сущностью, которые в бесконечной Вселенной ищут друг друга.

То ли Платон, то ли Аристотель, то ли еще какой-то древний бородатый грек, которого так любят цитировать на «Фейсбуке» или в «Твиттере» те, кто их в действительности никогда не читал.

И которых сама Васса терпеть не могла.

Лис читал — причем в оригинале на древнегреческом, который освоил, между прочим, во время долгих перелетов по планете по своим компьютерным бизнес-делам.

Лису это ничего не стоило — просто вот так взять и научиться читать на древнегреческом. То, что у Лиса были задатки гения, Васса просто знала — вопросы в этом отношении были неуместны.

Как и осознание того, что она сама была далеко не дурой, даже весьма умной, наверное даже,

по мнению многих молодых (и не очень, но по большей части все же *молодых*), слишком даже *умной*. И одной из немногих женщин в компьютерной сфере.

Причем одной из крошечного количества, которая добилась успеха, пусть и не такого головокружительного, как Лис.

Васса знала, что ее не любят. Знала, что некоторые ненавидели. Боялись. Сплетничали о ней, повторяя имевшиеся в ходу небылицы. Со вкусом изобретали новые.

Но ей было *наплевать*.

Ну, о Лисе и о ней самой за глаза говорили *такое*. Она над этим смеялась, понимая, что подобное — признание ее успеха.

Лис же вообще не обращал внимания.

Ну да, его успеху хоть жутко и завидовали, но нехотя, скрипя зубами и скрепив сердце, признавали за ним право на этот самый успех.

Еще бы, ведь он был одним из них: *мужчиной*.

Пусть и без столь модной сейчас бороды.

Да, наверное, поэтому-то она греческих философов так и не любила — не по причине несогласия с их философскими рассусоливаниями, а по причине их *бород*.

Они так напоминали все этих окруживших ее мужиков, *молодых, очень молодых и не очень*, которые только и ждали, чтобы она оступилась, допустила ошибку и потерпела поражение.

Борода — хипстера или лесоруба, Деда Мороза, или Бармалея, или еще какая — была обязательной частью их имиджевой униформы, примерно как наикрутейшие дорогушие *кроссовки*, наикрутейший дорогуший *смартфон* и бумажный бокал с отвратительным дорогушим *кофе*.

Причем кроссовки были элементом *вариабельным*: некоторые отдавали предпочтение кожаным мокаси-

нам или сланцам, разумеется, тоже наикрутейшим и дорогущим.

А вот борода была атрибутом *обязательным*.

Васса дала себе слово, что такого удовольствия бородачам (молодым, очень и не очень) *не* доставит.

Конечно же, они утверждали, что она всего достигла (а она все же действительно достигла — в конце концов, на нее работало не меньше пяти десятков этих самых бородачей) только благодаря Лису и его гениальным идеям.

Ну, или тому обстоятельству, что ее прежняя начальница, владелица компьютерного стартапа, Вика Романова, выходя замуж за британского принца, внука королевы, была поставлена перед выбором отказаться от бизнеса и, дабы никто не заподозрил ее в коррупции, не продала свои фирмы (ведь за них могли намеренно переплатить, желая получить от будущего члена королевского семейства Великобритании преференции), а элементарно *подарила* своим сотрудникам.

За прошедшие с этого невероятного дня годы Васса, явно обладавшая бизнес-жилкой, сумела значительно расширить свои права собственности и в итоге стала главой той самой фирмы, которая принадлежала когда-то Вике.

Сама Вика за это время взлетела высоко, причем так высоко, что и подумать страшно — время от времени, видя свою бывшую начальницу на стильном фото в интернете, с бриллиантовой (рубиновой, сапфировой...) тиарой на голове, Васса радовалась, что чаша сия прошла мимо нее¹.

¹ О перипетиях судьбы бывшей хозяйки фирмы, Вики Романовой, повествуется в романе Антона Леонтьева «Гордость и преступление», издательство «Эксмо».

Ведь своей жизнью, в которой было все, что ей требовалось, она была крайне довольна и невероятно счастлива: работа, фирма и Лис.

И Лис, и она сама в последние годы виделись все больше виртуально. Васса, а еще больше Лис были в постоянных разъездах. Но это не мешало знать, что происходит со своей второй половинкой, что у нее на душе, что она думает и о чем мечтает.

Видеозвонки они использовали редко, предпочитая старую надежную текстовую коммуникацию. На русском, английском (которым оба владели неплохо, в особенности Лис), а также в последнее время на древнегреческом: прикол Лиса, который Васса смогла осилить только при помощи интернет-переводчика.

Сотни, если не тысячи, сообщений в день — отовсюду, в любое время дня и ночи. Десятки тысяч в месяц. Сотни тысяч за несколько месяцев...

Наверняка за последние годы *миллионы*, не иначе.

Васса знала, что не сможет прожить без Лиса и дня, как, впрочем, и он без нее. И самое невероятное было то, что им не требовалась географическая близость: современные технологии позволяли им обмениваться самым банальным — и самым *сокровенным* ежесекундно.

Время от времени Васса с тревогой думала о том, что произойдет, когда Лис заведет себе подружку. А что, если он надумает жениться и основать семью?

Вряд ли его жена будет в восторге от назойливой, вездесущей приятельницы, с которой муж переписывается дни и ночи напролет.

Хорошо, что вопросы семьи и брака Лиса не занимали: последние полтора, нет, наверное, даже два года он находился на гребне волны успеха, которая поднимала его все выше и выше. И была готова

поднять на столь головокружительные высоты, что даже у него самого, кажется, дух захватывало.

И у Вассы, наблюдавшей за этим подъемом, тоже.

А что, если успех будет столь невероятный, что Лис забудет о ней? Если у него не станет времени на общение с ней? Если его *Васёк* останется в прошлом?

Иногда Васса ловила себя на мысли о том, что хочет, чтобы все осталось на том уровне, как это было в данный момент. Лис успешен, но не до такой степени, чтобы оторваться, перейдя в иные сферы.

Те самые, куда *ей самой* доступ был закрыт.

И тотчас корила себя за подобные мысли: кто сказал, что Лис не сможет повторить успех Билла Гейтса, Сергея Бриана, Марка Цукерберга, Илона Маска или Павла Дурова?

Все ведь когда-то с чего-то начинали.

А что, если не только повторить, но и *превзойти*? Ведь Васса уже давно сделала для себя вывод: в отличие от прочих областей науки и бизнеса, только в компьютерной сфере открытие новых горизонтов возможно всегда.

Не просто возможно, это и является незыблемым законом.

И вот Лис летел из столицы Малайзии Куала-Лумпур, где находился на каком-то важном конгрессе, в расположенный на материке Шанхай, дабы подключиться к забуксовавшим переговорам с китайцами о продаже своего стартапа.

За *четверть миллиарда долларов*.

Ну, или пусть пока *всего* за одну пятаю.

То есть, по меркам Кремниевой долины, за *сущие гроши*.

Но Васса не сомневалась: это только начало. У Лиса было много идей, причем таких, которые позволили бы ему совершить самый настоящий прорыв.